

УДК 930.1, 322.22

Виталий (И. Н. Уткин), игум.,

ученый секретарь и старший преподаватель Свято-Алексеевской
Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии (г. Иваново)

ТРЕЗВЕННИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (Социально-политический аспект)

Статья посвящена социально-политическим аспектам развития трезвеннического движения в России в годы Первой мировой войны. Используются материалы «Владимирских епархиальных ведомостей». Автор утверждает, что трезвенническое движение в целом носило имитационный характер.

Ключевые слова: алкоголизм, трезвость, трезвенническое движение, Церковь, духовенство, власть, Первая мировая война.

Vitaly (I. N. Utkin), abbot,

Scientific Secretary and Senior Lecturer of the St. Alekseevsky
Ivanovo-Voznesensk Orthodox Theological Seminary (Ivanovo)

SOBRIETY MOVEMENT IN VLADIMIR PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR (Socio-political aspect)

The article is devoted to the socio-political aspects of the development of the sobriety movement in Russia during the World War I. Based on the materials of "Vladimir Diocesan Gazette". The author claims that the sobriety movement as a whole was an imitation.

Key words: alcoholism, sobriety, sobriety movement, Church, clergy, power, World War I.

В годы Первой мировой войны одним из факторов социально-политической жизни России явилось трезвенническое движение.

Начало активного существования такого движения было положено в довоенный период. Так, например, в Иваново-Вознесенске при храме Спаса Всемилоственного в Хуторове в 1911 году по инициативе священника Александра Миртова было создано Свято-Ольгинское общество трезвости. Ему удавалось вовлекать в свою деятельность большое количество людей. В мае 1913 года в крестном ходе общество участвовало около 10 тысяч человек [9, с. 144–145]. В селе Орехове Покровского уезда Владимирской губернии приходское Свято-

Никольское общество трезвости действовало с 1901 года. Здесь были учреждены специальные религиозно-нравственные чтения и миссионерский кружок, введено общее хоровое пение, создана касса взаимопомощи трезвенников [8, с. 735].

В 1914 году трезвенническое движение стало важным инструментом в руках власти для мобилизационного объединения общества. Начавшийся грандиозный военный конфликт рассматривался как средство всестороннего обновления России.

В царском рескрипте на имя министра финансов высказывалось «настойчивое пожелание принять решительные меры к развитию и укреплению трезвенности в России» [5, с. 712]. Автор «Владимирских епархиальных ведомостей» утверждал: «Навстречу голосу Государя пошли власть духовная и гражданская, общественные учреждения, городские и земские, и сам народ» [5, с. 712].

В периодической печати, в ходе войны сформировавшейся, фактически, в единое информационное пространство, успешность или неуспешность борьбы за трезвенность становится критерием для политических оценок.

Священник Иоанн Гиляровский во «Владимирских епархиальных ведомостях» еще в июне 1914 года говорит об «обидях» на «левую печать», утверждавшей, что «приходское духовенство в общей массе своей не проявляет почти никакой инициативы в деле отрезвления народа». Он старается доказать, что священнослужители, даже те, кто раньше «находили утешение в бутылочке», являются активными борцами за трезвость [3, с. 501–503].

Спустя два месяца, 31 августа 1914 года ректор Владимирской духовной семинарии протоиерей Павел Борисовский в своей проповеди в семинарском храме утверждал, что алкоголизм разрушает общественную жизнь страны, подрывает ее производительные силы, разрывает социальную ткань общества. Он восклицал: «Алкоголь питает инстинкты зверства, жестокости и дикой расправы, понижает нравственную чуткость и вкус ко всему благородному и возвышенному» [2, с. 711]. Владимирский ректор призывает к «воскресению нашей страны от пьянственного усыпления» [2, с. 712].

Городские думы, земства, общественные организации принимают ряд постановлений и приговоров, требующих введения жесткого запрета на продажу спиртного во время войны. Такое постановление, например, было принято на совещании представителей волостей, правительственных и общественных учреждений Владимирского уезда, а также на совещании городских голов Владимирской губернии [5, с. 714]. Единогласно голосовали за такое решение Московская городская дума, собрания рабочих Обуховского, Путиловского, Балтийского завода [5, с. 714].

Эта общественная активность, с одной стороны, инициировалась непосредственно государственной властью, с другой воспринималась как часть, вызванного войной, «необыкновенного подъема народного духа», когда, как писали «Владимирские епархиальные ведомости», «исчезли раздоры, распри, партийные, классовые и личные интересы, все слилось в одном порыве высокого патриотического чувства» [5, с. 715].

В итоге «председатель Совета министров объявил Совету министров», что император 22 августа «высочайше повелеть соизволил: существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи продолжить вплоть до окончания военного времени» [4, с. 730]. По сути, это было введение «сухого закона».

В первые месяцы войны власти всех уровней и периодическая печать, как светская, так и церковная, соревновались в предоставлении статистических материалов о позитивном влиянии правительственных мер. Докладывали, например, что в Москве в ходе мобилизации преступность сократилась на 47 %, в Екатеринбурге на 75 %. Даже такая столица криминала, как Одесса, выдавала соответствующую круглую цифру в 50 % [5, с. 715]. Доказывалось, что производительность труда «за месяц трезвости» якобы выросла на 35 % [10, с. 785].

Так как на протяжении десятков лет винная монополия была одним из главных средств пополнения государственного бюджета, то в предвоенный период борцы за трезвость опасались неодобрения своей деятельности со стороны властей [10, с. 784]. Теперь же в печати всячески подчеркивалось, что бюджет, даже при всех чрезвычайных расходах на военные нужды, не пострадает от введения «сухого закона». Ожидалось, что на фоне общественного воодушевления разовьется «нравственный капитал, приобретенный в трезвой жизни», который, как писали «Владимирские епархиальные ведомости», «заключает в себе источник и для улучшения финансовых средств государства, для покрытия убылей от прекращения питейного дохода» [10, с. 785].

Впрочем, «Владимирские епархиальные ведомости» утверждали, что «государство, отказавшись от питейного дохода для блага самого населения, тем самым приобретает нравственное право возложить на население покрытие понесенных им убытков новыми видами обложения» [10, с. 785]. При этом церковная печать, ставшая в годы войны частью общегосударственной машины военной пропаганды, уверяла, будто «трезвое население без ропота встретит это новое обложение и без труда понесет его» [10, с. 785].

То есть убыток от введенного в стране «сухого закона» предполагалось покрыть за счет граждан.

Между тем, только в 1913 году расходы населения на крепкие спиртные напитки составили 3 миллиарда рублей. Во Владимирской губернии водки было выпито 1 миллион 583 тысячи 291 ведро, населением на это потрачено 13 миллионов 335 тысяч 524 рубля [7, с. 866]. Это больше, чем 2/3 ведра на человека, считая стариков и младенцев.

Ожидания общественного расцвета и преобразования страны в ходе «сухого закона» не оправдались. Авторитета государственной власти, общественных организаций и Церкви хватило лишь на очень короткий срок.

Уже в октябре 1915 года Владимирское Братство святого благоверного великого князя Александра Невского констатировало мощный откат населения к пьянству. В его обращении, опубликованном во «Владимирских епархиальных ведомостях» говорится про воцарившуюся было, якобы «абсолютную трезвость»: «Недолго продолжался этот период русской жизни» [7, с. 864].

Совет Братства призывал всех священнослужителей активнее включаться в борьбу за трезвость. В его воззвании утверждалось, что «корни пьянства скрываются в глубинах духа и тела народного организма», пьянство поддерживает и развивает «современный уклад деревенской жизни, тонущий в клоаке разных пороков, в темноте и развращенности» [7, с. 865].

Совет Братства призывал пастырей способствовать обновлению всех ткани общественной и экономической жизни через образование «кредитных и потребительских товариществ, сельскохозяйственных обществ и других кооперативных учреждений», дабы внести в «повседневную трудовую жизнь» «христианские истины» [7, с. 865].

Опубликованное во «Владимирских епархиальных ведомостях» воззвание Братства констатировало, что на всю огромную губернию в 1915 году приходилось лишь 35 приходских обществ трезвости, никак не связанных друг с другом и не оказывающих друг другу никакой поддержки, при том, что многолетним органом, призванном координировать всю церковно-общественную деятельность, и являлось само Владимирское Братство святого благоверного великого князя Александра Невского [7, с. 867]. К тому моменту при Братстве вот уже год, как действовала особая «Трезвенная комиссия», выработавшая «программу трезвеннической деятельности в епархии» [6, с. 562]. Однако эта программа по большей части так и осталась нереализованной.

2 октября 1916 года во Владимире при этом братстве были торжественно открыты противоалкогольный музей и библиотека [1, с. 557]. Архиепископ Владимирский и Шуйский Алексей (Дородницын) в своей речи на этом торжестве выражал надежду, что музей на станет «мерт-

вым учреждением», но послужит «проводником в народную массу начал трезвости, начал здоровой благочестивой жизни» [1, с. 561].

Музей был устроен на денежную субсидию Министерства финансов [6, с. 564]. Это было собрание в одном помещении наглядных пособий о вредном влиянии алкоголя на организм человека, семью, общественную жизнь и экономику. Впрочем, здесь же предполагалось разместить «экспонаты» и о получивших широчайшее распространение средствах подпольного изготовления различных суррогатов спиртных напитков. Предполагалось, что в музее будут проводиться бесплатные экскурсии для всех желающих [6, с. 564].

Однако уже через несколько месяцев революция совершенно изменила весь уклад народной жизни.

В целом можно констатировать, что трезвенническое движение в годы Первой мировой войны носило верхушечный и в значительной степени имитационный характер, напрямую поддерживалось усилиями светских и духовных властей. Оно так и не стало реальным средством духовного и общественного обновления России.

Библиографический список

1. *Алексий (Дородницын), архиеп.* Речь Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Алексия, архиепископа Владимирского и Шуйского при открытии 2 октября 1916 года противоалкогольного музея при Александро-Невском братстве в городе Владимире // Владимирские епархиальные ведомости. 1916. № 44–45 неоф. С. 557–561.
2. *Борисовский Павел, прот.* Война и трезвенническое движение в России // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 36 неоф. С. 710–712.
3. *Гиляревский Иоанн, свящ.* Обида духовенству // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 26 неоф. С. 501–504.
4. Запрещение продажи водки // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 36 неоф. С. 730.
5. К вопросу об укреплении трезвости в населении России // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 36 неоф. С. 712–715.
6. *Овчининский Н.* Епархиальный противоалкогольный музей во Владимире // Владимирские епархиальные ведомости. 1916. № 44–45 неоф. С. 561–565.
7. От Совета Братства святого благоверного великого князя Александра Невского // Владимирские епархиальные ведомости. 1915. № 43 оф. С. 864–867.
8. Свято-Никольское Ореховское общество трезвости // Владимирские епархиальные ведомости. 1915. № 36 неоф. С. 735–736.
9. *Тихомиров А. М.* Ивановская митрополия Русской Православной Церкви. Иваново-Вознесенская епархия. Иваново: ИД «Референт», 2019.
10. Трезвость и государственный бюджет в России // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 39 неоф. С. 783–786.